
Социальная философия, обществознание или генералистика: к проблеме кризиса социологии

© 2021 г. Р.Х. Симонян

*МГИМО МИД России, Москва, 119454, пр. Вернадского, д. 76;
Институт экономики РАН, Москва, 117218, Нахимовский пр., д. 32.*

E-mail: sim@isras.ru

Поступила 05.06.2020

В последние десятилетия в обществоведческом дискурсе всё более активно обсуждается кризис социологии. По этой проблеме уже высказались многие известные российские и зарубежные социологи. Рассуждения о теоретическом упадке, снижении общественного статуса социологической науки, ее превращении из фундаментального знания в прикладное воспроизводятся на конгрессах и конференциях, в многочисленных публикациях. Библиография, посвященная кризису социологии, насчитывает десятки источников, и этот поток не уменьшается. В русле этой ставшей популярной темы автор обосновывает свой подход к анализу проблемы кризиса в социологии, в основе которого лежат гносеологические противоречия, заложенные при создании специализированной науки об обществе в середине XIX в. – в период восхождения позитивизма, отрицающего классическую философию и сосредоточившегося на эмпирическом подходе, продемонстрировавшем высокую эффективность в естественных науках. В статье обосновывается, что отказ от абстрактного мышления, сужение границ познания до рамок эмпирического знания, сведение познавательной деятельности к практическому опыту, примат методологии над теорией – родовые травмы социологии, приведшие ее к нынешнему положению.

Ключевые слова: социальные науки и естественные науки, эмпирика и теория, опросы и наблюдения, измерение и творчество .

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-3-29-40

Цитирование: *Симонян Р.Х.* Социальная философия, обществознание или генералистика: к проблеме кризиса социологии // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 29–40.

Social Philosophy, Social Studies or Generality: the Problem of the Crisis of Sociology

© 2021 Renald H. Simonyan

*MGIMO-Russian Ministry of Foreign Affairs,
76, Vernadsky av., Moscow, 1197454, Russian Federation;
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,
32, Nahimovskiy av., Moscow, 117218, Russian Federation.*

E-mail: sim@isras.ru

Received 05.06.2020

In recent decades, the crisis of sociology has been increasingly discussed in the social science discourse. Many well-known Russian and foreign sociologists have already spoken out on this issue. Discussions about the theoretical decline, the decline in the social status of sociological science, its transformation from fundamental to applied knowledge are reproduced at congresses and conferences, in numerous publications. The bibliography devoted to the crisis of sociology has dozens of sources, and this stream does not decrease. In line with this popular topic, the author substantiates his approach to the analysis of the crisis problem in sociology, which is based on epistemological contradictions laid down in the creation of the specialized science of society in the middle of the 19th century – during the rise of positivism, which denies classical philosophy and focuses on an empirical approach, demonstrated high efficiency in the natural sciences, yielding positive results. The article substantiates that the rejection of abstract thinking, the narrowing of the boundaries of knowledge to the framework of empirical knowledge, the reduction of cognitive activity to practical experience, the primacy of methodology over theory are the birth traumas of sociology that brought it to its current position.

Keywords: social sciences and natural sciences, empiricism and theory, surveys and observations, measurement and creativity.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-3-29-40

Citation: Simonyan Renald H. (2021) “Social Philosophy, Social Studies or Generality: the Problem of the Crisis of Sociology”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2021), pp. 29–40.

Наряду с самопознанием, для человека общество, в котором он живет, – это основной предмет познания, так как связан с его инстинктом самосохранения. Понимание окружающей среды всегда было и будет одной из важнейших потребностей человека, обеспечивающих его существование.

С появлением письменности появились свидетельства познания человеком своего социального окружения. Из дошедших до нас документов наибольший интерес представляют сочинения античных философов, прежде всего Платона и Аристотеля. Написанные 2,5 тысяч лет назад, они показывают, что основные характеристики общества: социальная структура, взаимосвязи, мотивы поведения людей – с тех пор не изменились. Это нашло и свое художественное отражение. В произведениях Софокла, Аристофана, Эсхила, Еврипида, пьесы которых составляют неотъемлемую часть современного театра, убедительно показано, что достоинства и пороки людей, проблемы их взаимоотношений, установки и ориентации те же, что и сегодня.

Если материальный мир, окружающий человека, изменился кардинально, то человеческое общество как социальная система сохранилось со всеми ее основными признаками: целостностью, иерархичностью, зависимостью от составляющих ее элементов и их взаимосвязей. Не изменился и носитель социальности – человек с его биологической и психологической основой, структурой его потребностей.

Рождение специализированной науки об обществе

Разумеется, интерес к своему социальному окружению у людей не пропал и в Средние века, но тот же инстинкт самосохранения не позволял публично рефлексировать на эту тему. За высказывания, нарушающие средневековые теологические догмы, церковь жестоко наказывала. Идеи французского Просвещения способствовали выходу долго сдерживаемой энергии познания общества. По аналогии с устоявшейся научной и учебной дисциплиной – физикой (природоведением) в конце XVII в. возникает «социальная физика» (обществоведение). Вызванный промышленной революцией технический прогресс резко повысил общественный статус естественных наук, дающих конкретные результаты. Именно этим были обусловлены попытки распространения законов естественных наук на общественные явления.

В XVIII в. впервые в теориях «социальной физики» возникает идея о том, что общество – это система. Общество сравнивается с машиной, в которой каждый винтик выполняет свою функцию. Социальный механизм объясняет разделение труда, межличностные связи, распределение и обмен. Усложнение общественных отношений в начале XIX в., вызванное развитием капитализма, происходит в период бурных политических событий в Европе: религиозные войны, национальные движения, народные восстания, революции.

Общественная потребность в поиске социальных законов, управляющих поведением и деятельностью людей, групп, общностей и организаций, становится всё более актуальной. На фоне стремительного научного и технического развития, всеобщей веры во всемогущество науки возникла идеология позитивизма и сциентизма, основу которых составляет ориентация на естественные науки как образец для решения всех проблем познания. «Всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, – писал основатель позитивизма Огюст Конт, – не может представлять никакого реального смысла» [Конт 1972, 557]. Здесь понятие «точное» исключает или, по крайней мере, значительно ограничивает пространство научного познания таких основополагающих сфер общественной жизни, как культура, религия, мораль, идеология, творчество, искусство.

В 1844 г. Конт в «Лекции о духе позитивизма» предложил общую науку о человеческом обществе назвать «социологией» [Comte 1963]. В представлении Конта иерархия наук начиналась с математики, астрономии и шла через физику, химию и биологию вверх к социологии. Зрелость наук, заявил он, сделала возможным построение краеугольной науки: это социология – наука об обществе. Другие последующие определения социологии, например «наука, изучающая структуру общества, социальные отношения, институты общества, развитие общества», и т.п., вытекают из этого определения.

Латинское название общества – “Societats” было корневым для большинства европейцев, поэтому название науки, изучающей общество, – «социология» – было для них естественным. В России наука, изучающая природу, называется естествознанием. По аналогии, созданная наука об обществе должна была в России называться обществознанием. Действительно, зачем «социум», когда есть «общество». «Социология» оказалась непонятной для широкой общественности, а государственными служащими воспринималась недоверчиво или даже враждебно, так как вызывала ассоциации с «социализмом».

Конт сформулировал свое представление о связке трех крупных областей науки, именуемых однокоренными терминами: физика (наука о неживой природе) – физиология

(наука о природных организмах) – социальная физика (наука о социальных организмах), – это название было заменено на социологию. Конт исходил из того, что социология имеет дело с самым сложным объектом, поэтому она находится на вершине иерархии наук, является по наукометрическому статусу главной, всеобщей, то есть генеральной наукой. Это означало, что социология завершает конструкцию научного познания, воплощая в себе синтез наук.

Будучи хорошо образованным в математике, Конт поставил своей задачей создать науку об обществе столь же точную, как науки естественные, достигшие к его времени внушительных успехов. Идеи позитивизма и сциентизма в Европе второй половины XIX – начала XX в. находились на пике своей популярности. Достижения «позитивного», то есть практически ориентированного знания, прежде всего знания о природе, расценивались как подлинная наука, призванная сменить прежнюю философию как слишком отвлеченную область познания («метфизику»). Основная цель позитивизма – получение объективного («точного») знания. Сущность единого для всех наук метода, обеспечивающего надежным и достоверным знанием, была позднее выражена в манифесте «Венского кружка»: «Существует только опытное познание, которое основывается на том, что нам непосредственно дано. Тем самым устанавливается граница для содержания легитимной науки» [Карнап, Хан, Нейрат 2005, 20].

Если даже построение общества на научной основе в середине XIX в. представлялось реальным, то замысел Конта создать науку, позволяющую получать точное знание об обществе, тем более представлялся реальным. Разумеется, в этой задаче присутствовало стремление максимально дистанцироваться от философии с ее абстрактными эпистемологическими рассуждениями, а следовательно, плохо поддающимися измерению выводами. «Научную ценность представляет только то, что можно измерить» – этот тезис, справедливый по отношению к естественным наукам, оказался во многом непригодным для общественных наук. Так, закономерность о возрастании субъективного фактора в процессе развития общества не поддается точному измерению, но в новейшей истории ее проявления особенно наглядны.

Естественные и социальные науки

Социология не выполнила задачи, поставленной Контом, и не смогла ее выполнить, потому что ее предмет – общество – относится к области социального, а не естественно-научного знания. Предметы этих наук кардинально различны, как различны их субъектно-объектные связи. Если естествознание имеет дело с бездушными предметами или живыми организмами природы – фауной, то обществознание – с людьми, наделенными сознанием. Наличие сознания у объекта исследования – принципиальное отличие обществознания от естествознания. В социологии действуют не столько законы, сколько закономерности с различной степенью вероятности их проявления и еще более значительной долей исключений, что в свою очередь зависит от уровня развития общества, его цивилизационно-культурной принадлежности. Поэтому критерии точности естественных и общественных наук не совпадают.

Общество является сложной стохастической системой, а люди действуют часто спонтанно, их поведение далеко не всегда рационально, а иррационально, нередко во вред себе. Детерминация сознания людей и, следовательно, их поступков, из которых складывается социальная реальность, неоднозначна, так как она коренится в глубинах человеческой психики, в том числе и в «коллективном бессознательном». Это делает весьма проблематичным применение исследователем принципа причинности для объяснения социальных явлений.

Непредсказуемость поведения, связанная с парадоксальностью сознания как одним из присущих человеку свойств, подробно рассмотренная в научной литературе (см., например, [Тощенко, 2008]), не позволяет ни психологии, ни социологии, ни политологии, ни даже наименее стохастической экономике быть точными науками. Когда рационально организованная экономика и иррациональный человек приходят между собой в противоречие, верх одерживает человек.

Общество – объект познания, судьба которого в значительной мере зависит от того, как люди его видят, представляют его будущее, то есть насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и как осознают общественные процессы. Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление и скорость движения общества.

Более того, самим фактом своего высказывания социологи создают новую реальность. Знаменитая теорема Томаса гласит: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» [Thomas 1928, 572]. Р. Мертон, вслед за Томасом, вводит понятие «самоисполняющегося пророчества» – процесса, благодаря которому представление о ситуации, существующее у участников, влияет на ее исход, независимо от соответствия этого представления объективному положению вещей: «Публичные определения ситуации (пророчества и предсказания) становятся неотъемлемой частью ситуации и влияют на последующее развитие ситуации» [Мертон 2006, 607]. То есть в отличие от знания в области естественных наук социальное знание не только репрезентирует реальность, но участвует в производстве (или исполнении) реальности.

Социолог нередко изучает чуждые ему ценности – других групп, народов, времен, культур; вовлеченный в социальную ситуацию, он имеет также собственные, которые могут прямо или косвенно влиять на проекцию его научного интереса. Различным является и временной лаг прагматической ценности научных результатов. Если в естественных науках выявленные свойства объекта действуют постоянно, что не ставит вопрос об их устарелости, то в социологии это остроактуальный вопрос. Критерий достоверности здесь не является достаточным. Состояние общества меняется, поэтому полученные в результате исследования его характеристики могли измениться в интервале между проведенным замером и сделанными на его основе выводами.

Отставание социальных концептов от реальности – принципиальное различие между социологией и естественными науками. Оно будет возрастать, так как «важнейшие особенности современного этапа социальных изменений – интенсивная глобализация, нарастание техногенных, природных и социогенных рисков – препятствуют исполнению социологией ее генеральной функции – установлению закономерности социальных процессов» [Ядов 2012, 3].

И, наконец, независимость исследователя и его гражданская ответственность, не столь важная или вообще неважная в области естественных наук, для социологии является необходимым условием получения достоверного знания и его представления широкой общественности. Даже демократическое государство не всегда приемлет критическую информацию о состоянии общества. Социолог в обоснование своего диагноза неизбежно включает оценочные суждения, поэтому он испытывает давление (реальное или воображаемое) власти.

Таким образом, если отсутствие субъективности в процессе познания природных явлений является естественным, то в процессе познания общественных явлений естественным является ее присутствие. Позитивисты механически перенесли свои представления о познании природы на познание общества. Поставленная перед социологией позитивистская задача представляет собой «не что иное, как отказ субъекту в праве на субъектность. Но люди не могут не быть субъектами» [Заглубский 2005, 97]. Фундаментальные различия между социологией и естественными науками сделали поставленную перед социологией цель невыполнимой.

Социологическое сообщество сегодня

Обосновывая место социологии на вершине пирамиды научных дисциплин, Конт руководствовался приоритетом проблем человеческого существования, который предполагает знание этого бытия, условий его сохранения или улучшения. Этот приоритет определяется основными – жизненными – потребностями людей.

Конт справедливо считал науку, изучающую бытие человека, – социологию – как наиболее важной, так и наиболее сложной среди других наук. Но, определив предмет науки – общество в целом, то есть в масштабе, охватывающем, по существу, все проблемное пространство общественности, он резко ограничил круг потенциальных специалистов в столь широкой области познания.

Познание только лишь одной из сфер общества требует наличия огромного ресурса. Даже экономическая сфера, представленная в мировом обществоведении самой многочисленной группой, в числе которых 86 нобелевских лауреатов, являет собой настолько сложный предмет познания, что достигнутый теоретический уровень не позволяет считать экономическую науку сколько-нибудь точной. И это несмотря на то, что в экономике значительно успешнее, чем в социологии, используются математические методы. Претензий к экономистам не меньше, чем к социологам. Объясняется это тем, что экономика входит в ту область научного знания, где человеческое поведение является основополагающим во всех ее фазах: производстве, распределении, обмене и потреблении.

Проблемное поле социологии – это общество, включая все его основные сферы (экономическую, социальную, культурную, политическую, правовую, духовную), региональные особенности входящих в него территориальных сообществ и формы их взаимосвязей между собой и обществом в целом и, наконец, его социогенез, ибо нельзя полноценно исследовать общество, не зная его истории. Поэтому социология междисциплинарна уже по определению. Ставшее дежурным требование междисциплинарности здесь не актуально, необходимо другое – более высокий уровень абстрагирования – целостность. То есть тот самый философский подход, недопустимо исключенный Контом из содержания социологии, ибо «целое, целостность трактуется как высшее философское понятие, синтезирующее в себе объективное и субъективное» [Философия 2004, 23].

Этимологически понятия «философ» и «мыслитель» равнозначны. А заявленный масштаб новой науки требовал мыслителей. Социологов, изучающих общество как целостность, справедливо относят к социальным мыслителям. «Совершенно очевидно, что социальные науки продолжают быть ближе к мышлению на основе опыта наблюдения реальности и глубокого осмысления ее» [Аутвейт 1991, 152]. Разумеется, мощный тезаурус характеризует не только тех, кто исследует общество, но и представителей других областей научного знания. Но «социология по понятным причинам – единственная дисциплина, которая имеет пересечение со всеми остальными... По широте охвата и обобщения, которая способствует формированию всеобъемлющего и целостного взгляда на человеческий мир, социологии нет равных» [Дженкинс 2015, 13].

Тесную связь социологии с философией наглядно демонстрирует тот факт, что в конституировании социологии в нашей стране приняли самое большое участие именно философы – примерно 90% социологов, включая почти всех ее корифеев (В. Ядов, А. Здравомыслов, Б. Грушин, Ю. Давыдов, В. Шляпентох, В. Подмарков, Н. Лапин, Ж. Тощенко, Ю. Левада, Г. Осипов, М. Руткевич, А. Харчев и др.), были по образованию философами. Прошло почти 40 лет, как в университетах нашей страны было введено специальное социологическое образование. 145 российских вузов подготовили за это время многие тысячи профессиональных социологов, однако новые корифеи не появились. Ибо «сбор информации – лишь первый, самый простой этап изучения общества. Преимущество имеет исследователь, обладающий острым аналитическим взглядом – не столько “социолог”, сколько “социальный философ”, разглядевший абстрактное в конкретном» [Розов 2002, 10].

Это относится ко всем ведущим социологам, начиная с Конта, который был не только математиком, но и физиком, биологом, астрономом, историком, философом, и М. Вебера, прозванного за энциклопедичность познаний «Леонардо да Винчи», и заканчивая современными – П. Бурдьё, И. Валлерстайном, Э. Гидденсом. По своему масштабу – это социальные философы. Но два слова – это слишком длинно для топоники современного мира. Поэтому в последнее время используется более короткое,

«контовское» определение – генералисты (generalists) [Доган 2000, 12]. Появление таких исследователей – «штучное производство», их деятельность требует наибольшей автономности: «Философы не творят в группе. Философия, в том числе и социальная – индивидуальный продукт... Социальное бытие и научное мышление слишком связанные субстанции, чтобы быть распределенными. Здесь синергетический эффект находится внутри» [Иванов 2013, 11]. Таких социологов (социальных философов, генералистов) среди представителей многочисленного социологического сообщества совсем немного. Они составляют верхний уровень – уровень общесоциологических знаний и теорий.

За время существования социологии в ее структуре четко выделились еще два уровня: средний, объединяющий отраслевые (социология культуры, социология политики, социология права, экономическая социология, этносоциология) и специальные социологические теории (личности, молодежи, образования, девиантная социология, регионоведение и т.д.), и нижний уровень, на котором рассматриваются частные проблемы общества.

Особенности среднего уровня заключаются в том, что основные элементы общественной системы изучают специалисты: историки, экономисты, демографы, правоведы, психологи, культурологи, этнологи и др. То есть социологи здесь соседствуют с представителями других наук, более узких по сравнению с социологией, имеющими свои профессиональные преимущества. Наличие среди них ученых с широким кругозором, с «социологическим видением» проблем, позволяющим выходить за рамки своей науки, объективно ограничивает число социологов, работающих на этом уровне. Тем более что экономисты, политологи, географы, правоведы и др. успешно овладевают социологическими методами.

Остается нижний уровень, на котором и сосредоточена основная масса социологов. Именно *этот* уровень доминирует в обществе, создавая ее авторитет как науки, отношение к ней широкой общественности.

Социолог – это человек с анкетой

На нижнем уровне происходит стремительная детализация знания, что проявляется в возникновении таких субдисциплин, как социология рекламы, социология моды, имиджелогия, медиалогия, ищущих свой статус в науке, или попытка учредить «социологию переводов». Узкая дисциплинарная специализация может способствовать углублению научного знания о тех или иных фрагментах социальной реальности. Однако в то же время дифференциация сопровождается утратой целостного восприятия, без которого оказываются не проясненными как общие, так и отдельные элементы общественной системы. Дробление социального знания сопровождается не только сужением проблемного диапазона, но и автономизацией отдельных направлений, возведением искусственных границ между ними, а главное, уменьшением его объяснительного, теоретического потенциала. «Одну из причин того, что общественность потеряла социологию из вида, можно видеть всего лишь в том, что она распалась на множество специализмов» [Гидденс 2007, 5].

В настоящее время насчитывается уже около сотни официально оформленных участков на широком поле общества, и количество их растет, а коммуникации между ними становятся редкими или бессодержательными. Очень мало коммуникаций между пятью десятками ее специализированных областей, признанных Международной социологической ассоциацией, и тридцатью пятью секциями Американской социологической ассоциации. Социология как самая когерентная область социального знания связывает не столько внутри, сколько снаружи. Социометрический анализ показывает, что у многих социологов контакты лучше с коллегами из других дисциплин, чем в собственной. Слабость внутренних связей – опасный симптом для общественной науки.

На нижнем уровне социологии фундаментальная наука заканчивается. Здесь – поле деятельности прикладной социологии, направленной на практическое применение

знаний, полученных в теоретической социологии. Теории уступают место технологиям с ограниченной зоной социальной ответственности [Симонян 2015, 45–46]. В социологии, в том числе российской, это инструменты маркетинговых исследований, методики оценки эффективности рекламы, стратегии работы с кадрами и т.п. В нынешней социологии пространство нижнего этажа, где господствуют эмпирические исследования, постоянно расширяется, методика заменяет теорию.

Прикладная социология – это уход от эпистемологических и метафизических рассуждений о природе социальных явлений в пользу методических диспутов о точности их измерения. Но суть явления измерить нельзя. Его можно познать. Но для эмпирической социологии предмет познания уже не имеет значения, имеет значение способ. Важно не «что», но «как». Возможно, поэтому выраженного общественного запроса на социологию в постсоветской России до сих пор не сформировалось.

Тем не менее анкетирование становится атрибутикой бытия. Хотя еще в XIX в. Э. Дюркгейм выражал сомнение в достоверности опросов, подчеркивая, что бесстрастным и безличным в социологии может быть только наблюдение [Дюркгейм 1991]. Позже Р. Миллс показал, что «массовые опросы, постоянно требующие финансирования, способствуют бюрократизации и коммерциализации социологии» [Миллс 200, 68–69]. Установлено, что в тоталитарных и авторитарных режимах массовые опросы априори не могут быть средством объективного познания общества.

В российском массовом сознании сформировалось устойчивое представление, согласно которому социологи занимаются исключительно опросами общественного мнения. Фразеологемы «социологическое исследование» и «социологический опрос» фактически отождествляются. Если говорится о «социологических методах», то по умолчанию подразумевается, что речь идет о сборе данных с помощью опросных процедур. Характерной в этом смысле является журналистская конструкция «по данным социологов».

Ответы даже в самых изощренных опросах и в самых по-фрейдистски глубинных интервью – это всего лишь слова. То, что человек говорит о себе, о своих оценках, разумеется, важно, но вовсе не означает его познания. Он может не просто быть неискренним, но неправильно понять вопрос или неправильно себя воспринимать. Достоверно поведение, поэтому социальные науки называют еще и «поведенческими». Действие правдиво всегда, в нем социальное проявляется гораздо отчетливее, а наблюдение за деятельностью – наиболее продуктивный метод. И прежде всего – включенное наблюдение. Социолог, изучающий общество, в котором живет, является включенным наблюдателем. Разумеется, в эффективности этого метода решающую роль играет качество субъекта, ибо людям присущ различный уровень чувствительности к социальным ситуациям.

Микеланджело делил людей на три категории: 1. Те, которые видят. 2. Те, которые видят, когда им показывают. 3. Те, которые не видят, когда им показывают. Античные философы не пользовались современной методикой, которая способна улавливать самые тонкие оттенки ответов респондентов или их нарративов, но заложили основы теории общества. Они были теми, которые видят. Их метод – наблюдение – был значительно эффективнее нынешних количественных процедур. И в новейшей истории ведущие социологи (социальные философы, генералисты) от М. Вебера до И. Валлерстайна не прибегали к количественным методам.

Концепт социальной экзистенции опирается на основополагающий тезис Аристотеля: люди – социальные животные, их существование всегда коллективно. «Ни индивиды, ни общества не являются отдельными или автономными единицами. И те, и другие – чисто аналитические аспекты единой индивидуально-социальной реальности. Поэтому повседневная жизнь предстает как арена, где социальное существование наилучшим образом проявляет себя – самая плодородная “стратегическая исследовательская площадка”, где наблюдатель раскрывает секреты общественного существования» [Merton 1996, 169].

Наблюдение мало используется в современной социологии. Возможно, из-за недостатка тех, которые видят, но главным образом потому, что результаты наблюдения

в отличие от анкетирования трудно измерить. Количественные исследования, где измерение – основополагающая задача, стали основными в современной социологии, происходит триумф формы над содержанием. Знание, полученное в рамках прикладных исследований, фиксируется прежде всего как средство решения локальной практической задачи. «В прикладном исследовании задачи ставятся заказчиком, которого интересует технологически воплощаемое решение, а не объективное представление о мире» [Пружинин 2005, 114].

Ситуация усугубляется тем, что социология нижнего уровня конкурирует с повседневным здравым смыслом, что делает ее уязвимой для критики за то, что она «не является собственно научной дисциплиной», что ее «легко освоить» и что в ней «нечего учить»... Доминирование эмпирических исследований приводит к тому, что общесоциологическая компетентность находится «на грани вымирания» [Дженкинс 2015, 14–15].

Количество эмпирической информации быстро увеличивается, но это мало способствует приращению знания. Потому, что даже самые технологически совершенные процедуры ее получения не создают целостного представления о жизни общества. Лавинообразный рост объема социологических данных, генерируемых в научной периодике, в документах государственных органов, в корпорациях, в масс-медиа не сопровождается теоретическим осмыслением, то есть эмпирика не рождает теорию, как полагали позитивисты. В статье Р. Барроуза и М. Севиджа «Грядущий кризис эмпирической социологии» ([Barrows, Savage 2007, 5–8]) показаны очевидные недостатки как количественных (опросы), так и качественных (глубинные интервью) методов получения эмпирических данных, так как нет прямого логического следования от фактов к теории.

Но и естественные науки уже не испытывают острой необходимости опираться на эмпирический опыт. Из практики не появились ни ядерная энергия, ни нанотехнологии, ни клонирование живых организмов. Все это создано путем генерирования новых идей [Колчинский 2008]. Теперь уже естественные науки демонстрируют преимущество перед социологией, которая осталась прочно привязанной к опыту. При этом качество эмпирического опыта, содержащегося в результатах массовых опросов, что было отмечено, не позволяет использовать его для построения теоретических концептов.

Желание основателя социологии сделать общественную науку по образцу естественных наук привело к ситуации, которую кратко и точно определил Д. Подвойский: «Социология стремится догнать науки естественные и убежать от философии. Не получается ни первое, ни второе» [Подвойский 2011, 6]. Родовые болезни социологии стали источниками еще одной проблемы социологии – этической.

Гражданская ответственность социологов

Наука для общественности – символ доверия, надежности знания как практического ориентира. «То обстоятельство, что наука сегодня – специализированная производственная профессия, служащая познанию реальных взаимосвязей, – это и есть неотделимая данность нашей исторической ситуации, из которой мы не можем никуда выскочить», – писал М. Вебер о прагматической ценности социального знания еще в 1930-х гг. [Weber 1933, 60]. Получение упорядоченного знания о социальной действительности – основная цель социологии как системы основополагающих знаний об обществе.

Современная отечественная социология, ориентированная на частные вопросы, уходит от фундаментальных проблем: природа социального неравенства в России, проведение и последствия российских реформ, региональные различия, миграция, результатом которой огромная территория страны становится безлюдной, социальная аномия, отчуждение человека, депопуляция и многие-многие другие. Прикладные исследования в узких рамках и своей компетенции, и, соответственно, своей меры ответственности не могут дать картину драмы последнего тридцатилетия. Вернуть доверие общественности можно, только поднимая теоретический уровень социологии. Для этого

наука об обществе – независимо от ее названия: социология, социальная философия, генералистика, обществознание или social science (социальная наука), как часто ее называют в современном мире, – должна подняться до уровня фундаментального знания.

Вопрос об общественной роли социальных наук возникал на протяжении всей их истории. В этом ракурсе гражданская ответственность социолога носит наиболее определенный характер. Она «не заканчивается с выполнением требований его науки... Ответственность обязывает нас к тому, чтобы и в наших сочинениях, и ex cathedra мы откровенно высказывали наши воззрения» [Дарендорф 2002, 119].

Профессиональная обязанность социологов – не только производить высокий уровень социального знания, но и делать его достоянием широкой общественности. Потребность человека в понимании происходящих в обществе процессов возлагает на социологов ответственность за ее удовлетворение. Превратившись в прикладную науку, социология утратила свою ответственность перед обществом.

В отличие от естественных наук социология имеет самую широкую аудиторию – общество. Задача социологии – ответить на вопросы, волнующие общество. Ответы на эти вопросы должны быть понятны не только социологам, но самым широким массам населения. Это означает, что *публицистичность* имманентно присутствует в содержании социологии.

Поэтому стремление отгородиться от общества наносит вред социологии. Часто это происходит из неправильно понятой научной элитарности, связанной с латентным стремлением соответствовать дресс-коду академического сообщества, где тон задают представители естественных наук со своим профессиональным языком. Но у естественных наук не только качественно иные задачи, но и несопоставимо более узкая аудитория.

Язык социологов непонятен обществу, то есть тем, на чьи деньги содержится наука, «он недоступен ни большинству налогоплательщиков, ни тем, кто отвечает за расходование налогов... Чем текст сложнее, тем “лучше”: непроницаемость стала знаком серьезных намерений автора, если глупые читатели не понимают его, то от своей некомпетентности... Общественная наука должна быть максимально открыта обществу, она обязана стать публичной, поэтому социальным теоретикам следует стать интеллектуально более демократичными в том, что и для кого они пишут» [Дженкинс 2015, 17, 21].

Искусственно усложняя текст для соблюдения профессиональной корпоративности, социологи порождают в обществе по отношению к науке сначала раздражение, а затем и враждебность. Наука вместо того, чтобы просвещать народ, становится непонятной, чуждой ему, оторванной от жизни.

Помимо чисто научных целей социология должна быть направлена на повышение социологической культуры общества, стимулирующей его самопознание и саморегулирование. Именно этим измеряется позитивное развитие науки об обществе. Социология не может обладать авторитетом в обществе, если она его не просвещает, а только обслуживает власть и бизнес – в этом состоит глубокий общественный кризис социологии.

Источники в переводах – Primary Sources in Translations

Аутвейт 1991 – *Аутвейт У.* Реализм и социальная наука // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. М.: Прогресс, 1991. С. 141–158 (Outwait, William, *Realism and Social Science*, Russian Translation).

Дюркгейм 1991 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991 (Durkheim, Emile, *De la division du travail social*, Russian Translation).

Конт 1972 – *Конт О.* Антология мировой философии. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1972 (Comte, Auguste, *Discours sur l'esprit positif*, Russian Translation).

Источники – Primary Sources

Comte, Auguste (1963) *Discourse sur l'esprit positif*, Union Generate d'Editions, Paris.

Thomas, Dorothy (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*, Knopf, N. Y.

Weber, Maximilian (1933) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen.

Ссылки – References in Russian

- Гидденс 2007 – Гидденс Э. К социологическому сообществу (призыв к оружию!) // Социс. 2007. № 9. С. 4–5.
- Дарендорф 2002 – Дарендорф Р. Социальная наука и оценочные суждения. Послесловие к дискуссии об оценках // Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002.
- Дженкинс 2015 – Дженкинс Р. Что ждет социологию: вымирание, застой или эволюция? // Социс. 2015. № 3. С. 11–21.
- Доган 2010 – Доган М. Социология среди социальных наук // Социс. 2010. № 10. С. 3–14.
- Заглубский 2005 – Заглубский С.А. Социология как основа гуманитарного мировосприятия. Учебное пособие. СПб.: Астерион, 2005.
- Иванов 2013 – Иванов Д.В. Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социс. 2013. № 9. С. 3–13.
- Карнап, Хан, Нейрат 2005 – Карнап Р, Хан Х, Нейрат О. Научное миропонимание – венский кружок // Логос. 2005. № 2. С. 12–20.
- Колчинский 2008 – Колчинский Э.И. Наука. Власть и общество в периоды кризисов: историко-сравнительный анализ // Эпистемология и философия науки. 2008. № 1. С. 123–133.
- Мертон 2006 – Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
- Миллс 2001 – Миллс Р. Социологическое воображение. М.: Nota Bene, 2001.
- Пружинин 2005 – Пружинин Б.И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Этос науки на рубеже веков. Вып. 11. М.: Ин-т философии РАН, 2005. С. 109–120.
- Подвойский 2011 – Подвойский Д.Г. Языки социологии: многоголосье или какофония? // Социс. 2011. № 5. С. 3–9.
- Розов 2002 – Розов Н.С. «Социология философий» Рэндалла Коллинза – новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории // Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 7–31.
- Симонян 2015 – Симонян Р.Х. Общество без социологии или социологи без общества // Социс. 2015. № 12. С. 41–51.
- Тощенко 2001 – Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
- Философия 2004 – Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 3–39.
- Ядов 2012 – Ядов В.А. Каким мне видится будущее социологии // Социс. 2012. № 4. С. 3–7.

References

- Barrows, Richard, Savage, Michael (2007) “The Coming Crisis of Empirical”, *Sociology*, No. 41, pp. 3–17.
- Darendorf, Ralph (1974) *Pfade aus Utopia: Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie*. Piper, München (Russian Translation).
- Dogan, Mattei (web) *Sociology among the Social Sciences*, URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/sociology-among-social-sciences> (Russian Translation).
- Giddens, Anthony (2006 web) *A call to Arms*, URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2006/nov/26/post682> (Russian Translation).
- Jenkins, Richard (2013 web) *The Future of Sociology: Extinction, Stagnation or Evolution?* URL: <http://sociologicalstudies.dept.shef.ac.uk/?p=1349> (Russian Translation).
- Ivanov, Dmitry (2013) “Stages of the Evolution of Sociology and Dominant Types of Theorizing”, *Socis*, Vol. 9 (2013), pp. 3–13 (in Russian).
- Carnap, Rudolf, Hahn Hans, Neurath, Otto (1929) *Wissenschaftliche Weltauffassung – Der Wiener Kreis*, Artur Wolf Verlag, Wien (Russian Translation).
- Kolchinsky, Eduard (2008) “Science. Power and Society in Times of Crisis: Historical and Comparative Analysis”, *Epistemology and Philosophy of Science*. Vol. 1, pp. 123–132 (in Russian).
- Merton, Robert (1996) “Socially Expected Durations”, Merton, Robert, *On Social Structure and Science*, Sztompka, P., ed., University of Chicago Press, Chicago, pp. 162–172.
- Merton, Robert (1968) *Social Theory and Social Structure*, Free Press (Russian Translation).
- Mills, C. Wright (1959) *The Sociological Imagination*, Oxford University Press, Oxford (Russian Translation).
- “Philosophy and Integration of Modern Social and Humanitarian Knowledge (a ‘round table’ discussion)” (2004), *Voprosy Filosofii*, Vol. 7, pp. 3–39 (in Russian).

Podvoisky, Denis (2011) “Languages of Sociology: Polyphony or Cacophony?”, *Socis*, Vol. 5, pp. 3–9 (in Russian).

Pruzhinin, Boris (2005) “Applied and Fundamental in the Ethos of Modern Science”, *Philosophy of Science. The Ethos of Science at the Turn of the Century*, Vol. 11, pp. 109–120 (in Russian).

Rozov, Nikolai (2002) “‘Sociology of Philosophies’ of Randall Collins as the new stage of intellectual’s self-consciousness in the World history”, Collins, Randall, *Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*, Sibirskiy chronograf, Novosibirsk, pp. 7–31 (in Russian).

Simonyan, Renald (2015) “Society without Sociology or Sociologists without Society”, *Socis*, Vol. 12, pp. 41–51 (in Russian).

Toshchenko, Jean (2001) *Paradoxical Man*, Gardariki, Moscow (in Russian).

Yadov, Vladimir (2012) “How do I see the Future of Sociology”, *Socis*, Vol. 4, pp. 3–7 (in Russian).

Zagrubsky, Sergei (2005) *Sociology as the Basis of the Humanitarian Worldview. Tutorial*, Asterion, St. Petersburg (in Russian).

Сведения об авторе

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России; главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Author’s Information

SIMONYAN Renald H. – DSc in Sociology, Senior Researcher at the Institute for International Studies, MGIMO-Russian Ministry of Foreign Affairs; Chief Researcher at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.